

Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта

Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, Leonid743342@mail.ru
Константин Вадимович Григоричев
Иркутский государственный университет, Иркутский институт химии СО РАН,
Иркутск, Россия, grigoritchev@yandex.ru
Александр Николаевич Демьяненко
независимый исследователь, Хабаровск, Россия, ad716008@mail.com
Антон Александрович Киреев,
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru
Максим Вадимович Клиценко,
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева,
Москва, Россия, klitsenko.m@gmail.com
Александр Николаевич Швецов
Федеральный исследовательский центр "Информатика и управление" РАН, Москва, Россия, san@isa.ru

Ключевые слова: *пространственное развитие, пространственная политика, институты управления пространством, регионоведение, Россия, российский Дальний Восток*

Для цитирования: Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Клиценко М. В., Швецов А. Н. Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 72–83.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>

Round Table
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>

Institutions of spatial development of Russia in the context of historical experience

Leonid Y. Bliakher
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, Leonid743342@mail.ru
Konstantin V. Grigorichev
Irkutsk State University, Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia, grigoritchev@yandex.ru
Alexander N. Demyanenko
Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, ad716008@mail.com
Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru
Maxim V. Klitsenko
Russian State Agrarian University – K. A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy,
Moscow, Russia, klitsenko.m@gmail.com
Alexander N. Shvetsov
Federal Research Center "Informatics and Control" of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, san@isa.ru

Key words: *spatial development, spatial policy, spatial management institutions, regional studies, Russia, Russian Far East*

For citation: Bliakher L. Y., Grigorichev K. V., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Klitsenko M. V., Shvetsov A. N. Institutions of spatial development of Russia in the context of historical experience // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 72–83. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>

3 декабря 2024 г. в Тихоокеанском государственном университете в режиме online был проведен круглый стол "Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта", объединивший исследователей из Владивостока, Иркутска, Москвы и Хабаровска. Предлагаем вниманию читателей сокращенное изложение материалов этой дискуссии.

1) Какое содержание вы вкладываете в понятие "пространственное развитие"?

Демьяненко А. Н.: Я не очень понимаю, что такое "пространственное развитие", даже применительно к РФ. Любопытно, что ни в "Стратегии про-

странственного развития Российской Федерации на период до 2025 г." (СПР), ни в последнем по времени проекте Концепции СПР от марта сего года нет определения того, что же такое "пространственное развитие". Я не случайно упомянул эти два документа. По моему мнению, стратегическое планирование, несомненно, является институтом пространственного развития.

Киреев А. А.: И всё-таки, справедливости ради, следует сказать, что в глоссарии СПР есть определение пространственного развития. Оно звучит следующим образом: "совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики". При этом смысл слова "совершенствование" остается неясным.

Демьяненко А. Н.: Спасибо, Антон Александрович, за уточнение. Но, как вы сами отметили, процитированное определение на самом деле таковым не является. Однако вернусь к изложению своего понимания того, что есть пространственное развитие. Но для начала одна цитата от нобелевского лауреата Р. Лукаса: "... теорией роста мы называем то, о чём у нас есть какое-то представление, а развитием – всё остальное" [8, с.54].

И здесь я считаю уместным ещё раз подчеркнуть, что мы имеем дело именно с пространствами, а не с пространством. Будет нелишним вспомнить о концепции А. Лефевра, который почти полвека тому назад утверждал, что социальное пространство – это, во-первых, ансамбль разнообразных социальных пространств или подпространств, а во-вторых, что социальное пространство имеет в основании пространство природы (физико-географическое или ландшафтное), которое может быть и не всегда явно проявляется, но присутствует всегда, и именно оно задаёт исходное разнообразие социальных пространств.

Скорее всего, речь должна идти не о "пространственном развитии", а о формировании такой пространственной организации российского общества, которая бы обеспечивала, с одной стороны, условия для достижения целей развития российского общества, а с другой – органичное вхождение российских пространств в глобальные пространства.

Здесь, полагаю, мне лучше остановиться и передать слово А. Н. Швецову.

Швецов А. Н.: Очень мудро начать обсуждение явления с его определения. Хотя, думаю, достичь быстрого и всех устраивающего результата не получится. Понятие "пространственное развитие" пришло в российское обществоведение из зарубежной науки о связи пространства и экономики, и это заимствование было выборочным и, главное, использованным в иной – постперестроечной – реальности. До этого в СССР географы, экономисты и социологи создали научный фундамент территориальной организации социалистического государства с его тотальным административно-партийным руководством, преимущественно общественной собственностью и государственной системой планирования и управления всем и вся. Им были хорошо известны достижения учёных "капиталистического лагеря", но по официально-идеологическим причинам могли быть использованы только их некоторые методические практики.

В постсоветские десятилетия предпринимались попытки дать актуальное определение "пространственного развития". Но они так и не увенчались успехом: не удалось предложить такое определение, которое уверенно закрепилось бы в научном обороте, в законодательстве, в учебниках. Как следствие – понятийная неразбериха и невнятность трактовок этого понятия. Оно стало употребляться как само собой понятное, самоочевидное и давно известное. Однако это вовсе не сняло с повестки проблемы установления смысла и вытекающего из него принципиального содержания пространственного развития, т. е. совокупности признаков и свойств, составляющих это явление. Без этого исходного условия мы не можем с уверенностью рассуждать на эту тему и быть верно понятыми другими.

С относительно недавних пор, вместо существительного "территория" и производных от него прилагательных стали использовать термин "пространство" и производные от него слова. Без особых возражений и в научный оборот, политическую полемику и управленческую практику уверенно вошло словосочетание "пространственное развитие". Легитимности этому новому термину придало его нормативно-правовое закрепление в правительственной СПР, претендующей на роль доктринального и планово-конкретного документа со-

временной региональной политики. В нём концентрировано выражены смысл и содержание, инструменты и ожидаемые результаты этой политики, которую теперь логичнее было бы называть уже не "региональной", а "пространственной", да и вместо "политика" уместнее говорить "стратегия".

На мой взгляд, под пространственным развитием следует понимать эволюцию территории во всех её аспектах (экономическом, социальном, экологическом, физическом). Подчеркну, что речь идёт не об одномерном и однонаправленном движении по принципу "вперед и вверх" и "ни шагу назад", а об эволюции как альтернативах разнонаправленной трансформации пространства: развитие, упадок, разгрузка, депрессия. Это или результат регулируемого воздействия на ситуацию, или следствие естественного развития событий, или их комбинация. Если и можно говорить о едином термине, выражающем смысл и цель пространственного развития, то лучше всего подходит слово "гармонизация". Она заключается в достижении и поддержании устойчивого баланса между факторами функционирования пространства – количеством жителей, числом мест приложения их труда, достаточной социальной и транспортной инфраструктурой.

Киреев А. А.: Действительно, нынешняя ситуация с определением понятия "пространственное развитие" неблагоприятна. На мой взгляд, в этой области наметились два основных подхода. Согласно более распространённому "линейному" подходу, уровень пространственного развития есть некая интегральная мера контроля общества над окружающим пространством (прежде всего физико-географическим). И меру этого контроля можно повышать практически бесконечно, в неразрывной связи с прогрессом общества. Цитированное определение пространственного развития из СПР является примером именно этого подхода.

Другой, как представляется, более продуктивный, подход можно назвать "циклическим". Он предполагает, что в исторически заданных пространственных условиях общество способно достичь лишь локального и временно-го равновесия с природной и социальной средой, относительного оптимума, ценность которого заключается в устойчивости, в возможности сравнительно длительного его сохранения. В рамках этого подхода пространственное развитие многовекторно, оно не имеет единой и предопределённой траектории. У разных социальных систем (стран, регионов, городов), адаптирующихся к различным средам, направления этого развития могут существенно расходиться, вплоть до взаимной несовместимости, конфликтности.

Предварительно я предложил бы следующее определение пространственного развития: это процесс достижения и поддержания равновесия (гомеостаза) между социальной системой и пространственными условиями её существования (структурными параметрами её физико-географической и социально-географической среды).

Григоричев К. В.: Говоря о пространственном развитии, я всегда подразумеваю взгляд П. Бурдые [4], предлагавшего смотреть на пространство как на поле конструирования реальности с позиций разных наук, конкурирующих за право определения его как целого и его отдельных элементов. В такой перспективе пространство выглядит своего рода слоёным пирогом, каждый слой ("поле" в терминологии Бурдые) которого формируется репрезентациями той или иной аналитической позиции и реализуется через соответствующие управленческие практики. Экономическое поле здесь не является абсолютно доминирующим и тем более единственным. С этих позиций, пространственное развитие, как мне представляется, предполагает непротиворечивое сочетание процессов, протекающих в различных "полях", "подпространствах", "слоях".

Клиценко М. В.: Позвольте небольшую ремарку. Несколько слов относительно туристического пространства, которое, по моему мнению, представляет собой не просто слоёный пирог, но взаимопроникновение природных и социальных пространств, этакое гибридное пространство. Наверняка, туристическое пространство не единственный случай гибридных пространств. А если это так, то исследование таких пространств вряд ли возможно свести к изучению отдельных "слоёв". В конце концов, мы и слоёный пирог потребляем не по слоям. Не так ли?

Бляхер Л. Е.: Концепт "развитие" предполагает изначально заданную установку о финальном (идеальном) состоянии, куда, собственно, и происхо-

дит движение. Представляется, что в случае принятия концепта "пространственное развитие" в качестве исследовательской категории, мы вольно или невольно переходим от анализа географического или социального пространства к анализу государственной политики. Сама же категория, тем не менее, из инструмента исследования становится предметом анализа, причем, не существующим объективно, но порожденном конкретной идеологической системой или даже конкретной политической ситуацией.

Демьяненко А. Н.: У меня возникло ощущение, что и определение А. Н. Швецова и А. А. Киреева, как и К. В. Григоричева, в общем об одном и том же, хотя и с разных дисциплинарных позиций. Или я не прав? Если бы у нас было больше времени, то, наверное, следовало бы остановиться и на гибридных пространствах, как и на обсуждении того, что есть хорошо, по определению Л. Е. Бляхера, с точки зрения соотносительности пространств с государственной политикой.

2) В чем, на ваш взгляд, состоят важнейшие проблемы пространственного развития России?

Бляхер Л. Е.: Исходя из того, что я говорил по поводу первого вопроса, проблема состоит в попытке придания идее развития онтологического статуса. Речь здесь идет об особых условиях производства пространства, которые создаёт несколько взаимосвязанных элементов. Первый элемент – средства коммуникации, прежде всего, транспортные артерии. В зависимости от того, выступают ли в этом качестве река, сухопутная дорога (сезонная, круглогодичная), железная дорога или что-то ещё, принципиально меняются характеристики и системы расселения, и самого образа пространства. При этом важно понимать, что все эти локальности пространства "живут" рядом и, в каком-то отношении, вместе. Второй элемент – упомянутая выше система маркеров, позволяющих утверждать, что эта локальность является освоенным ("развитым") пространством. И, наконец, третий элемент – система формальных и неформальных институтов, направленных на производство пространства, контроль над ним, недопущения альтернатив в данном пространстве. Проблема или проблемы "пространственного развития" и заключаются в том, как осознаются и как работают эти элементы. Чаще всего, неадекватное восприятие пространства, возникающее на первом уровне, гасится за счёт имитации маркеров освоенности на втором уровне и возникновения неформальных институтов производства пространства на третьем [3].

Демьяненко А. Н.: На мой взгляд, проблема проблем заключается в том, что если не определены стратегические цели для общества в целом, то искать таковые для его пространственной организации – дело малопродуктивное. Но попробовать, наверное, можно: вреда от такой попытки точно не будет. Скорее всего, придётся признать, что мы имеем дело с тем, что существующая в настоящее время совокупность (слово "система" применять не рискну) институтов и организаций, ответственных за формирование пространственной организации российского общества и его основных подсистем (экономической, социальной, политической), не вполне отвечает требованиям.

Если перейти на следующий уровень проблем, то, скорее всего, здесь имеет место устойчивая тенденция к фрагментации российских пространств, которая сопровождается истончением социальных пространств и появлением в них лакун – это с одной стороны, а с другой, – деформация сложившихся связей внутри российских пространств, сопровождается деградацией связей с глобальными и / или субглобальными пространствами.

Другая, не менее значимая проблема – гипертрофированная пространственная концентрация экономической и не только экономической деятельности в немногих крупнейших, прежде всего столичных, агломерациях. Неоднократно декларируемый тезис о том, что агломерации являются локомотивами развития общества, применительно к российским реалиям приводит к забвению, как минимум, двух простых вопросов: первый – кто сказал или, точнее, доказал, что периферия – источник ресурсов для центра, т. е. агломерации, и только? По моему мнению (и не только моему), центр отвечает за развитие своей периферии или хинтерланда.

Швецов А. Н.: В пространственном развитии страны имеется множество разнообразных проблем. Даже наиболее крупные из них не перечислить

и не охарактеризовать путём полной инвентаризации и поштучной оценки. Но в рамках формата нашего "круглого стола" есть смысл поставить вопрос несколько иначе – о главных причинах, предпосылках, составляющих первооснову всего обширного проблемного поля современного пространственного развития. На мой взгляд, можно предложить для обсуждения в качестве главных три источника таких проблем, в совокупности вбирающих в себя многовековой опыт исторических переходов в организации российского пространства.

На первое место в качестве первоисточника проблем я бы поставил само беспрецедентное физико-географическое пространство, обретенное нашим отечеством по воле непреодолимых обстоятельств. Такое пространство продолжает оставаться ёмким и неиссякаемым источником, с одной стороны, уникальных возможностей и преимуществ, а, с другой, – существенных рисков и ограничений развития страны. Можно ли и как сбалансировать эти крайности? Тут решающая роль принадлежит экономически целесообразным и социально приемлемым способам решения задач обретения и освоения пространства.

Выбор таких способов, с последствиями которых мы имеем дело, я бы назвал вторым источником важнейших пространственно обусловленных проблем. В длинной и монотонной череде исторических трансформаций российского пространства обнаруживаются два периода, отмеченные пространственными изменениями особого свойства – тотальными, лавинообразными и кардинальными. Один такой – советский – период начался благодаря великой социальной революции чуть более ста лет назад, длился всего семь (а наиболее продуктивно – пять) десятилетий, но радикально, до неузнаваемости преобразил освоенное пространство огромной страны. Другой – постсоветский – последовавший сразу же за первым и также революционно оборвавший прежнюю траекторию движения, начался 30 лет назад, и как будет проходить, когда и чем закончится, ещё неизвестно. Хотя уже ясно, что с самого начала он проигрывает предшествовавшему периоду и по замыслам, и по размаху, и по энергии пространственных преобразований. Если первая трансформация была выходом из контекста социоэкономической эволюции страны, алогичным выбросом из этого процесса, то вторая стала возвратом в него.

Особенности постсоветского этапа пространственных преобразований, взятых в широком историческом контексте и, прежде всего, в связке с советским прошлым, следует, на мой взгляд, рассматривать в качестве третьей первопричины нынешних пространственных проблем, на которые мы имеем возможность влиять. Но для этого надо понимать происходящее. Пока же осмысления и понимания того, что произошло и почему, а также каковыми окажутся последствия постсоветской волны пространственных трансформаций, не произошло. Из-за отсутствия верного понимания причин и содержания начавшегося сдвига в организации российского пространства возникло заблуждение, что пореформенное пространственное развитие будет продолжено путём принципиального возврата к славному прошлому, возобновления прежней, оказавшейся столь результативной традиции – советской в своих главных чертах, но с некоторыми новыми нюансами, с характерными для неё доминирующей ролью государства в целеполагании и ресурсном обеспечении процесса, с унитарно-централизованным устройством власти, сохраняющей приверженность плано-размещенческому подходу. Парадоксально, но, несмотря на смену смысла, принципов и правил организации пространства, прежняя, сформированная при социализме схема по инерции воспринимается нормой. А начавшиеся процессы ее стихийной перестройки по новым – рыночным – критериям оцениваются как отступление от нормы, и потому вызывают у власти волю к противодействию и поддержанию прежнего порядка.

Демьяненко А. Н.: После А. Н. Швецова трудно продолжать свой спич, но все-таки попробую. Итак, *второй* вопрос: кто доказал, что нет жизни за пределами агломерационных пространств? Здесь можно было бы порассуждать о работах Дж. Скотта и его отечественных последователей. Но в присутствии Л. Е. Бляхера и К. В. Григоричева, несомненно, более сведущих в этой теме, я ограничусь очень простым тезисом: за пределами агломерационных пространств тоже живут люди, которые желают жить по-своему.

Григоричев К. В.: На мой взгляд, ключевая проблема пространственного развития России, по крайней мере, Востока России, заключается в попыт-

ке совместить разные модели в разных "полях" пространства. Перелом советской модели в 1990-е гг. привёл к быстрому и очень болезненному изменению схемы пространственного размещения экономики. Поскольку эти изменения происходили в значительной мере за счёт ВПК и добывающей промышленности, наиболее остро это сказалось на северных и восточных регионах страны. Резкий рост интенсивности "западного дрейфа миграции" во многом стал отражением того, как система расселения трансформировалась вслед за системой размещения экономики. В более широком смысле, ломалась советская концепция расселения вслед за экономикой, в рамках которой население рассматривалось как восполняемый и управляемый ресурс, который может быть перемещён тем или иным способом в любую точку пространства в соответствии с нуждами экономики. Не случайно именно "молодые города" воспринимались как современниками, так и ретроспективно сегодня, важнейшими символами пространственного развития страны.

В последнее десятилетие активно разрабатываются и воплощаются масштабные проекты "нового освоения", которые вновь радикально меняют схему пространственного развития. Однако практически все они запланированы к реализации (уже реализуются) в районах с наибольшей интенсивностью депопуляции и миграционной убыли. Последняя является ярким отражением того, что в этом (условно – "демографическом") поле пространства протекают процессы, прямо противоположные тем, которые инициированы в поле "экономическом". Несмотря на это, заселение "пустых" территорий определяется во властной риторике как важнейший индикатор результативности "нового освоения".

Однако уже сейчас разнонаправленность процессов в разных "полях" ("слоях", "подпространствах") пространства определяет будущую неудачу такого развития. Острая нехватка населения ведёт не к развитию сети постоянных поселений, а к росту временной трудовой миграции, ёмко описываемой словом "вахта". За этим образом стоят не только ритмы миграционного движения, но и образ жизни, опирающийся на представление о "временности" пребывания в точках развития. И это представление не только участников, но и "организаторов" миграции, формирующих не более не менее как модель освоения территории. Последняя отнюдь не предполагает роста системы постоянных поселений с многоуровневой иерархией населённых пунктов, а, напротив, ориентирована на "вахтовую" модель расселения.

В этой перспективе не случайной выглядит трансформация системы организации муниципального самоуправления, связанная с ликвидацией двухуровневой модели административно-территориальной организации, в которой огромные в условиях востока России территории становятся невидимыми за районными центрами, представляющими собой, прежде всего, городские населённые пункты. Собственно же пространство страны как физико-географическая сущность, как и его "поля", всё более уходят из фокуса "государственного зрения" и, соответственно, выпадают из содержания развития.

Клиценко М. В.: Я полагаю, что, применительно к российским пространствам существует реальная проблема отсутствия должной координации между институтами пространственного развития, как по вертикали, то есть между различными иерархическими уровнями в пределах тех или иных пространств или полей, так и по горизонтали, то есть между отдельными частями (регионами, районами, локациями и т. д.). Опять-таки вернусь к туризму, который в последние годы стал любимым объектом стратегирования на всех уровнях власти, от федерального центра до муниципального. Отличительная черта туристических стратегий – нежелание учитывать особенности туристического пространства, что в конечном счёте приводит к тому, что та или иная дестинация оказывается в своих отдельных частях объектом не только стратегического, но и оперативного управления. В результате: у семи нянек дитя без глаза.

3) Имеют ли они естественное (объективное) или, скорее, институциональное происхождение?

Бляхер Л. Е.: Поскольку сам концепт "пространственное развитие" имеет институциональную природу, то и проблемы, связанные с ним, институциональны. Точнее, они возникают на пересечении институции и онтоло-

гии. Если институты неадекватны, возникают проблемы. Впрочем, как правило, проблемы эти разрешаемы за счёт формирования иных институтов.

Демьяненко А. Н.: Наверное, и то, и другое. С одной стороны, имеет место усложнение социальной жизни, которая становится не только всё более динамичной, но всё более труднопредсказуемой, а с другой, – явно ощущается дефицит идей относительно того, каким образом институты должны эффективно реагировать на такого рода изменения, в том числе и в пространственной организации общества.

Применительно к российским реалиям, пожалуй, наиболее явно это проявляется в том, что сложившаяся в настоящее время совокупность институтов стратегического планирования явно неэффективна. По своей сути она, скорее, ухудшенный вариант советской системы, уже по той простой причине, что уровень изученности отдельных российских пространств оставляет желать лучшего. При этом вызывает большие сомнения сам подход, в соответствии с которым единицы административно-территориального деления (АТД), от муниципалитетов до федеральных округов, рассматриваются *a priori* в качестве пространственных систем. Скорее всего, в этом случае речь должна идти о конгломератных структурах, но о них лучше может рассказать А. Н. Швецов, я же ограничусь только некоторыми, наиболее вопиющими примерами. Первый – ДФО, с ДВ, Якутией и Забайкальем, второй – граница между ЕАО и Хабаровским краем, рассекающая Хабаровскую городскую агломерацию.

Хотелось бы обратить внимание также на то, что многочисленные исследования, имеющие отношение к пространственной проблематике, отличаются недостаточным уровнем концептуализации. Отчасти причины и источники уже озвучил А. Н. Швецов. Мне осталось только сказать, что пути решения проблем такого рода достаточно известны: во-первых, попытаться использовать концепции, уже сложившиеся в соседних дисциплинах, во-вторых, поискать нечто полезное в научных школах за пределами нашего отечества, и, наконец, обратиться к собственному опыту. Именно об этом и пойдёт наш разговор, но об этом чуть позже, а сейчас слово А. Н. Швецову.

Швецов А. Н.: Органичное пространственное развитие возможно при условии разумного сочетания естественности и регулируемости пространственно обусловленных процессов и явлений. В разные периоды соотношение этих начал складывается по-разному. В советское время в пространственном развитии абсолютно доминировало всеобъемлющее директивное государственное планирование и управление. В тот период масштабные и точечные трансформации территориальной организации общества были оправданы задачами реализации крупных проектов индустриализации и коллективизации, приоритетного развития "окраин", формирования территориально-производственных комплексов, создания новых городов, ликвидации "бесперспективных деревень" и т. д. В 1990-е гг. постсоветских реформ случился резкий и такой же краткий поворот в сторону неумеренно-стихийной децентрализации пространственной организации. В 2000-е гг. контрреформ начался быстрый возврат к укреплению государственного регулирования в этой сфере, которое во многом оказывается чрезмерным по задачам и затратам и неоправданным по ожиданиям. В новейший период декларируемой задачей становится снижение диспропорций социально-экономического развития и благосостояния населения макрорегионов, регионов, муниципалитетов и населенных пунктов. А в последние годы к этому добавляются настойчивые попытки императивного сдерживания естественных процессов депопуляции на территориях с неблагоприятными условиями.

Государственное участие выступает признаком важности и залогом успешности любого общественно значимого нововведения. Сложилось убеждение, что без активной целенаправленной государственной поддержки никакая заявившая о себе новация не в состоянии пробиться и раскрыть свой потенциал. Отсюда стремление непременно сделать её объектом специального государственного воздействия. Но, попадая в зону особого государственного внимания, то или иное подававшее надежды нововведение может не только не проявить, но и растерять свои сильные стороны. Так случилось, например, с территориальным стратегическим планированием, которое в инициативном порядке (снизу) стало распространяться в городах и регионах в качестве полезного ситуативно применяемого инструмента, но попав в жёсткие рамки

ведомственной опеки (сверху) превратилось в принудительно-всеобщую бюрократически зарегулированную схему, не только не дающую свободно раскрыться преимуществам этого инструмента, но и превратившую его в подобие замороженного советского планового опыта. Напомним и другой пример, когда государственная политика стала причиной многих проблем становления российского местного самоуправления, которое, вместо реформирования по пути его конституционно декларированной автономности, оказалось втянутым контрреформами обратно в государственную "вертикаль власти", лишившую муниципалитеты преимуществ самоорганизации и самостоятельности. Не исключено, что столь же неблагоприятные последствия могут ожидать и городские агломерации. Они веско заявили о себе в процессе длительного стихийного развития, но со временем ощутили на себе государственную волю регламентировать их несстественную эволюцию, заменив её унифицированными проектами формирования агломераций во имя надуманных целей. Концепцию эволюционного становления агломераций в ходе длительного естественного процесса, в качестве закономерной стадии зрелости урбанистического развития, всё более теснят креационистские представления, не только допускающие, но и настаивающие на необходимости сознательного ускоренного "создания" агломераций посредством реализации специальных административных решений "с учётом целей, задач и приоритетов пространственного развития Российской Федерации".

Киреев А. А.: Важнейшие пространственные проблемы российского общества имеют естественное происхождение. Как много раз отмечалось, объективно обусловленные проблемы пространственного развития России коренятся в высокой природной гетерогенности страны и относительной неблагоприятности большей части её территории для проживания и хозяйствования. Впрочем, учитывая, что названные "проблемы" по своему масштабу не сопоставимы с регулятивными возможностями российского общества (и государства), правильнее было бы считать их "пространственной данностью".

В большей мере наименование "проблема пространственного развития России" заслуживает комплекс вопросов межрегионального неравенства. У этой проблемы двойная, "естественно-искусственная" обусловленность. Ввиду этого, её острота может быть хотя бы отчасти амортизирована политическими средствами, в т. ч. корректировкой АТД страны.

Наиболее же доступна для регулирования, и поэтому особенно актуальна, проблема взаимного согласования работы различных институтов управления российским пространством. В частности – разрешения противоречий между институтами пространственного развития и пространственной безопасности. Как пример можно привести крайне непростые отношения между ТО-Рами (а также СПВ, и более ранними приграничными торгово-экономическими комплексами и свободными экономическими зонами) и таким институтом как погранзона.

4) Опыт каких институтов советского и досоветского периодов российской истории представляет интерес для разработки пространственной политики в настоящее время?

Бляхер Л. Е.: Строго говоря, формальные институты развития и в советские, и в досоветские годы имели вполне понятные пределы эффективности. В силу того, что эти институты (точнее – организации) не работали и не могли работать эффективно, возникла опасная коллизия для чиновников на местах. Здесь возникают два варианта действий, которые, порой, реализовывались одновременно. Первый – имитация, производство отчётов и "потемкинских деревень". Второй – создание неформального актора (акторов), способных как-то контролировать жизнь на территории, обеспечивать складывание сколько-нибудь адекватных её форм [2].

Демьяненко А. Н.: Сначала в продолжение сказанного Леонидом Ефимовичем: даже в самых жёстких рамках формальных институтов остаётся место для неформальных институтов. И сей факт означает поиск успешных механизмов согласования формальных и неформальных институтов, ответственных за пространственное развитие.

Теперь относительно опыта. Я более или менее знаком с институтами досоветского периода и организациями, имеющими отношение к сфере государ-

ственной политики, нацеленной на преобразование российских пространств. Речь идет об Экспедиции, снаряженной Императорскими Вольным экономическим и Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России 1867–1873 гг., Амурской экспедиции 1910 г. (АЭ) и Комитете по заселению Дальнего Востока.

Начну с Экспедиции 1867–1873 гг. Замысел её был прост: определить те изменения в производстве хлебов и торговли этими хлебами в Европейской России, которые имели место в пореформенный период. Что принципиально нового было в этом проекте? Прежде всего рассмотрение экономики не как совокупности производств отдельных видов товаров, но как совокупности пространственных систем, то есть районов. Далее, отказ от статистического описания в пользу выявления динамики и прогноза будущих состояний пространственных экономических систем. Наконец, и, на мой взгляд, это важно, в ходе экспедиционных исследований в работу вовлекались местные эксперты из числа не только чиновников и сотрудников земств, но и представителей бизнес-сообществ. Примечательно и то, что этот исследовательский проект выполнялся главным образом силами негосударственных организаций, хотя его цель явно имела отношение к сфере государственного регулирования [5].

Еще один кейс, который, как мне представляется, небезынтересен в контексте наших обсуждений – АЭ 1910 г., деятельность которой была самым непосредственным образом связана с Комитетом по заселению Дальнего Востока (отчасти этот кейс был рассмотрен в [6; 7]), который был создан при Совете Министров "для объединения и общего направления правительственных мер по колонизации Приамурского края ...".

А всё начиналось так: в 1908 г. Правительство представило в Государственную думу проект сооружения Амурской железной дороги, который вызвал достаточно жёсткую критику и воспринимался многими как большая политическая ошибка и нерациональное расходование бюджетных средств. Для нас важно то, на что обратил внимание П. А. Столыпин: "Господа, действительно, верно, что вам впервые придётся подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до престола Монаршего дойдёт голос и ваш, голос народных представителей..." [10, с. 129]. То есть впервые в российской истории инвестиционный мегапроект, имеющий общегосударственное значение, разработанный исполнительной властью выносится на обсуждение и утверждение власти законодательной. И здесь для характеристики этого проекта уместно привести цитату из речи П. А. Столыпина в Государственном Совете: "нигде, может быть, более, чем в данном деле, в деле Амурской железной дороги не соединены так гармонично совершенно разнообразные интересы. Военный, политический и экономический" [10, с. 163].

Киреев А. А.: А не преувеличиваете ли вы, Александр Николаевич, использование на практике результатов упомянутых вами экспедиций и организаций?

Демьяненко А. Н.: Ничуть! Попробую проиллюстрировать это на одном примере: г. Алексеевск, ныне Свободный, был спроектирован именно в ходе АЭ 1910 г. – это, своего рода, образчик градостроительного планирования [1].

Киреев А. А.: И все-таки результаты этой экспедиции стали подспорьем в большей мере не для управленческих решений, а для работы учёных последующих поколений. В частности, Труды АЭ 1910 г. достаточно часто цитируют современные историки.

Демьяненко А. Н.: Действительно, в среде историков, особенно дальневосточных, материалы АЭ хорошо известны, и они нередко ссылаются на те или иные тома Трудов, но мне не удалось найти ни одного монографического исследования, посвященного той или другой экспедициям. Это – во-первых, а, во-вторых, труды экспедиций практически неизвестны ни экономистам, ни представителям других социально-гуманитарных дисциплин. А коль они неизвестны, то трудно представить ситуацию, когда опыт, накопленный в ходе упоминавшихся экспедиций, может быть использован.

Что же касается советского периода, то меня интересовала деятельность институтов, имеющих отношение к реформированию АТД СССР на принци-

пах экономического районирования в 1920-е гг., и в первую очередь Секции районирования Госплана.

Киреев А. А.: Безусловно, любой исторический опыт институализации пространственной политики ценен и заслуживает изучения. Но не следует забывать и о его стадильной принадлежности. Вплоть до 1920-х гг. институты пространственного развития на РДВ были сфокусированы на аграрной колонизации макрорегиона. Сегодня перед ним стоят прежде всего задачи индустриального и постиндустриального освоения. В этом отношении для современного РДВ более актуален советский опыт пространственной политики. Хотя, как справедливо заметил А. Н. Швецов, его прямое перенесение в реалии постсоветского рынка вряд ли возможно.

В ряду обсуждаемых здесь институтов советского периода наиболее богатый материал для размышлений дает случай Дальстроя. Можно выделить три крупных новации, апробированных в ходе создания этого института, которые не утратили актуальности: 1) переход от очагового, поселенческого способа освоения к ареальным, площадным формам пространственной организации расселения и хозяйственной деятельности; 2) формирование многоотраслевых территориально-производственных комплексов вокруг ведущих предприятий профилирующей (горнопромышленной) специализации; 3) построение высокоавтономной системы административного управления территорией, подчиненной решению экономических задач.

Демьяненко А. Н.: Наверное, опыт Дальстроя небезынтересен. Но, на мой взгляд, большей актуальностью отличается опыт Акционерного Камчатского общества (АКО), сыгравшего значительную роль в социально-экономическом развитии дальневосточного Севера.

Заодно хочу отметить, что Антон Александрович не совсем прав, говоря о том, что "вплоть до 1920-х гг. институты пространственного развития на РДВ были сфокусированы на аграрной колонизации макрорегиона". В частности, и в Трудах АЭ, и в работах исследователей начала XX в. отмечается, что в период после Русско-японской войны происходит своего рода сдвиг в направленности колонизационных процессов: на смену крестьянской колонизации приходит колонизация промышленная.

5) Что из опыта работы этих институтов может быть использовано в современном институциональном строительстве в данной сфере?

Григоричев К. В.: На мой взгляд, обращение к историческому опыту функционирования институтов пространственного развития, может иметь противоречивое значение. С одной стороны, это, несомненно, огромный массив накопленной информации, отработанных практик. С другой стороны, институты разных эпох имеют существенные отличия как в используемой оптике, так и в системе вертикальных и горизонтальных взаимодействий. Логика государственного упрощения [11] в позднейимперскую, советскую и постсоветскую эпохи задавала разные механизмы и фокусы управленческого зрения. Это детерминировало очень разные представления о "пустом" и "наполненном" пространстве. Иначе говоря, власть пыталась увидеть очень разные реальности. Так, дореволюционные экспедиционные наблюдения ставили своей целью выявление фактов заселения и хозяйственной жизни, которые не описывались и не могли быть описаны статистически. Соответственно, материалы таких наблюдений корректировали властную картину пространственного развития и корректировали властные практики. В том числе и институтов пространственного развития, таких, например, как Переселенческое управление, чиновники которого на местах ориентировались в большей мере на знание о том, "как на самом деле делаются дела" [11], нежели на обобщенно-усредненную картину статистических описаний [9].

Современный государственный взгляд формируется исключительно статистическими описаниями пространства, являющимся единственной легитимной оптикой. Соответственно, если экспедиционные наблюдения выявляют факты пространственного развития, не выявленные через оптику статистических наблюдений, то тем хуже для фактов. Эта логика задается отнюдь не злым умыслом, а фокусом "государственного зрения", не ориентированного на выявление фактов социальной и даже экономической жизни за пределами прямого властного регулирования. И мне представляется пока крайне оп-

тимистичным утверждать возможность использование такого исторического опыта в современном пространственном развитии.

Использование же опыта советских институтов, на мой взгляд, во многом может быть "от обратного", т. е. от понимания, "как не работает". Не потому, что эти институты были плохи, но потому, что их опыт, в том числе и негативный, показывает пределы прямого властного управления процессами пространственного развития. По крайней мере, в сфере регулирования процессов миграции и расселения, где мы уже можем видеть за краткосрочными успехами долговременные следствия.

Киреев А. А.: Примечательным аспектом в наследии Дальстроя является география входивших в его состав предприятий, которых к концу его истории насчитывалось около 450. Большая часть из этих объектов в дальнейшем прекратила существование (в т. ч. по вполне основательным для своего времени экономическим соображениям), но места их размещения продолжают представлять освоенческий интерес. Вполне возможно, что именно они станут площадками для нового индустриального строительства, и переосвоение севера РДВ во многом пойдет по маршрутам дальстроевской колонизационной волны.

Демьяненко А. Н.: Наверное, дело не в Дальстрое или скажем в АКО. Проблема шире и заключается в поиске ответа на вопрос: что из потерянного по разным причинам в пространственной организации предшествующих волн колонизации подлежит восстановлению, если и не сейчас, то в обозримом будущем.

Бляхер Л. Е.: Думаю, что едва ли не каждая ситуация была уникальной, породившей уникальный институциональный дизайн, связанный с производством пространства. Может быть, это и стоит использовать.

Демьяненко А. Н.: Пожалуй, на этот вопрос ответить труднее всего, во всяком случае, для меня. Дело в том, что все известные мне кейсы, имеющие отношение к регулированию трансформационных процессов в российских пространствах в целом, и в отдельных регионах – крайне разнохарактерны. Означает ли это, что исторический опыт в рассматриваемой нами сфере не актуален и имеет интерес только для историков? Полагаю, что это не так. И обмен мнениями в рамках нашего круглого стола убеждает меня в том, что исторический опыт – это тот исследовательский объект, который требует усилий специалистов из разных областей знания. Это, во-первых, а во-вторых, для того чтобы актуализировать исторический опыт, его нужно знать и знать досконально.

Литература / References

1. Алексеевск Амурской области. Амурская экспедиция. 1910. Благовещенск, 1912. 28 с. Alekseevsk, Amur region. Amur expedition. 1910. Blagoveshchensk, 1912. 28 p. (In Russ.).
2. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Барон умер – да здравствует баронет! Политическая медиация на границе пустого и наполненного пространства // Полития. 2023. № 3. С. 23–46. Bliakher L. E., Grigoriev K. V., Kovalevsky A. V. Baron Is Dead – Long Live Baronet Political Mediation on The Border of Empty and Filled Space // Polity. 2023. № 3. P. 23–46. (In Russ.).
3. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования. М.: Common Place, 2024. 264 с. Bliakher L. E., Grigoriev K. V., Kovalevsky A. V. Life in the Void: Anthropological Essays on Social Space Beyond Government Regulation. Moscow: Common Place, 2024. 264 p. (In Russ.).
4. Бурдьё П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи "региона" // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 45–60. Bourdieu P. Identity and Representation: Elements of Critical Reflection on the Idea of the "Region" // Ab Imperio. 2002. № 2. P. 45–60. (In Russ.).
5. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Из опыта комплексных исследований экономических проблем: к 150-летию Экспедиции 1867–1876 гг. // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 1. С. 48–58. Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. From the Experience of Complex Studies of Economic Problems: The 150th Anniversary of the Expedition 1867–1876 // Regionalistics. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 48–58. (In Russ.).

6. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3. С. 7–28.
Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. General plan of the Amur expedition of 1910 and a brief overview of its works // Ojkumena. Regional Researches. 2010. № 3. P. 7–28. (In Russ.).
7. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Современные стратегические инициативы и уроки истории в освоении Дальнего Востока // ЭКО. 2017. № 4. С. 45–60.
Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. Modern strategic initiatives and lessons of history in the development of the Far East // ECO. 2017. № 4. P. 45–60. (In Russ.).
8. Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 288 с.
Lucas R. E. Lectures on Economic Growth. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 288 p. (In Russ.).
9. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд. ОмГУ, 2004. 552 с.
Remnev A. V. Russia of the Far East. Imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries. Omsk: OMSU Publ., 2004. 552 p. (In Russ.).
10. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М.: Мол. гвардия, 1991. 411 с.
Stolypin P. A. We need a Great Russia ...: Complete collection of speeches in the State Duma and State Council. 1906–1911. Moscow: Mol. Gvardia. 411 p. (In Russ.).
11. Scott J. Seeing like a state: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. Yale University Press, 1999. 464 p.

Информация об авторах

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Константин Вадимович Григоричев, д-р соц. наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета; ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра "Иркутский институт химии" СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Александр Николаевич Демьяненко, д-р геогр. наук, независимый исследователь, Хабаровск, Россия, e-mail: ad716008@mail.com

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Максим Вадимович Клиценко, канд. соц. наук, доцент кафедры связей с общественностью, речевой коммуникации и туризма Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия, e-mail: klitsenko.m@gmail.com

Александр Николаевич Швецов, д-р экон. наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия, e-mail: san@isa.ru

Information about the authors

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Konstantin V. Grigoriev, Doctor of Sociology, Vice-Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University; Leading Researcher, Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry", Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Alexander N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: ad716008@mail.com

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Maxim V. Klitsenko, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Public Relations, Speech Communication and Tourism, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev, Moscow, Russia, e-mail: klitsenko.m@gmail.com

Alexander N. Shvetsov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Federal Research Center "Informatics and Control", Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: san@isa.ru

Поступила в редакцию 08.01.2025

Received 08.01.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025